

КОЛЛЕГИ О С. М. ДУДИНЕ

Жизнь и деятельность Самуила Мартыновича Дудина, выдающегося собирателя и знатока материальной культуры Центральной Азии, замечательного фотохудожника и интересного ученого, несомненно, заслуживает монографического исследования. Такая богато иллюстрированная коллективная монография — каталог задуманной, но не реализованной выставки¹ — была составлена в 2012 г. усилиями российских и казахских специалистов, но, к сожалению, по разным причинам так и не увидела свет. Она была основана не только на собраниях МАЭ РАН (с 1894 по 1929 г. сюда от С. М. Дудина поступило 39 предметных и иллюстративных коллекций²), но и на собраниях Российского этнографического музея (РЭМ), Эрмитажа, Научно-исследовательского музея Академии художеств, Центрального Государственного музея Республики Казахстан (Алматы). Ниже я хочу привести лишь несколько цитат из работ как современников Дудина, так и моих коллег, кратко характеризующих этого безусловно незаурядного человека и его научную и собирательскую деятельность.

Академик Э. К. Пекарский (1858–1934),

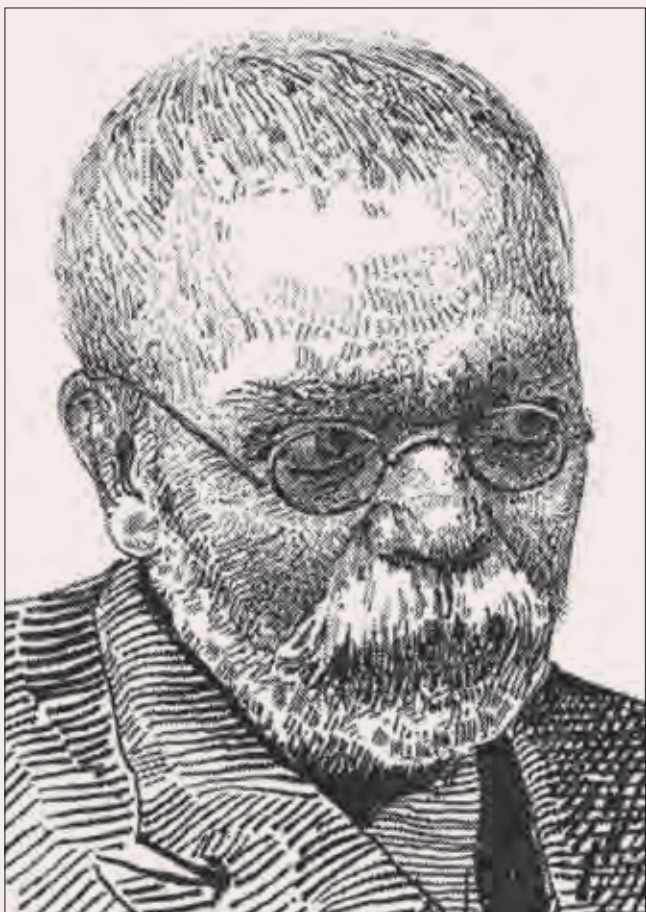
*выдающийся отечественный лингвист,
этнограф и фольклорист*

С. М. Дудин родился 19 августа 1863 г. в местечке Ровном Елисаветградского уезда Херсонской губернии в семье сельского учителя Мартына Тихоновича Дудина,

который раньше служил на военной службе, а выйдя в отставку, поселился в местечке Селенастом того же уезда и стал учителем тамошней сельской школы. С. М. с детства уже рисовал мелом на спинке деревянного дивана, на сундуке, на скамьях, на глиняном полу, на грифельной доске и на чем попало. Под впечатлением рассказов отца, он много рисовал из военной жизни и вообще все, что видел вокруг себя. <...>

С. М. обладал несомненными организаторскими способностями и исполнял хорошо и точно всякое дело, за которое брался. Это была натура с несколько скептическим настроением. Народовольчество его не удовлетворяло, и он стал серьезно изучать Маркса, делал из него длиннейшие выписки и выработал теорию, по которой настоящий социализм должен прийти мирным путем и постепенно. Целых три года тянулось дело, и в конце концов С. М. в 1887 г. в административном порядке был выслан в г. Селенгинск без суда, Забайкальской обл. за участие в революционном кружке.

В Селенгинске, продолжая работы, которыми интересовался еще в училище, С. М. при содействии Главной Физической обсерватории устроил метеорологическую станцию и вел наблюдения, собирал фольклорные материалы среди русского населения, геологические коллекции и делал этнографические зарисовки у бурят. Весь этот материал передан им в Музей Восточносибирского отдела Географического общества. В Селенгинске же С. М. познакомился с Потаниными и для них рисовал сцены из бурятской жизни.

Автопортрет С. М. Дудина. Фотография с рисунка. 1920-е гг.
РЭМ, № ИМ 9–22. С любезного разрешения музея

В 1890 г. переехал в г. Троицкосавск и поступил на службу в фотографию Н. А. Чарушина, где и пробыл до 1892 г.³

Академик В. В. Бартольд **(1869–1930),**

выдающийся российский исламовед,
директор МАЭ в 1918–1921 гг.

Резкого революционного настроения у Дудина в то время (1893 г. — *Е. Р.*) уже не было. Он продолжал сочувствовать революционной работе, даже террористической, но для него самого период активной революционной деятельности уже миновал. Как след, оставленный ссылкой, и в особенности этапным путешествием к месту ссылки, он тогда сохранял ненависть к солдатам. Не знаю, когда

и в какой степени это чувство у него исчезло; знаю только, что он, в противоположность многим другим бывшим революционерам, не радовался поражениям царской армии в войне с Японией и видел в событиях этой войны позор для всех русских. Помню, как он после падения Порт-Артура спорил об этом с некоторыми товарищами по музею и сказал им: «Я чувствую себя так, как будто мне дали по роже»⁴.

Академик Е. Ф. Карский **(1861–1931),**

основатель белорусского языкознания
и литературоведения, директор МАЭ в 1921–1930 гг.

Еще будучи учеником старшего класса Еливетградского реального училища, в 1887 г. С. М. был арестован по политическому обвинению и сослан в Восточную Сибирь — сначала в Верхнеудинск, а потом в Кяхту; пробыл в политической ссылке пять лет. Руководитель Орхонской экспедиции Академии наук, академик и директор Музея антропологии и этнографии В. В. Радлов, будучи в Кяхте, обратил внимание на прекрасные зарисовки С. М. и привлек его к работе в указанной экспедиции в качестве художника-фотографа. Благодаря ходатайству В. В. Радлова С. М. получил возможность вернуться из политической ссылки в столицу, причем *вернулся сначала нелегально* (курсив мой. — *Е. Р.*) <...>

Научные труды С. М. относятся главным образом к вопросам техники буддийского и исламского искусства Средней и Центральной Азии. Он был одним из крупнейших специалистов в области коврового дела, керамики и других отраслей художественной промышленности. «Экспертная комиссия» привлекала его в 1920–21 гг. в качестве эксперта по учету государственных ценностей; после того Внешторг и Госторг пригласили его консультантом при отборке и расценке больших партий ковров для экспорта. Государственный Эрмитаж, Русский музей и другие учреждения всегда приглашали С. М. в качестве консультанта по вопросам керамики и прикладного искусства. Гос. академия истории материальной культуры имела его в числе штатных ученых сотрудников. <...>

В Музее антропологии и этнографии С. М. в течение 20 лет безвозмездно исполнял обязанности секретаря совета, заведовал одновременно отделами среднеазиатских древностей, изображений, фотографической мастерской и муляжно-модельной мастерской.

Одновременно С. М. был бессменным секретарем Радловского кружка при Музее антропологии и этнографии, по избранию, с момента основания кружка в 1918 г.; работал в Географическом институте, потом в Ленинградском государственном университете, в Гос. академии истории материальной культуры и в Обществе художников им. Куинджи, в котором он был одним из членов-учредителей и заведующим библиотекой. В Ленинградском государственном университете С. М. преподавал фотографирование на географическом факультете. Он и скончался на почетном посту своей университетской работы: командированный университетом в университетскую станцию в Саблино для руководства летними практическими работами студентов⁵.

Академик С. Ф. Ольденбург (1863–1934),

*выдающийся отечественный востоковед,
один из основателей русской индологической школы*

Самуилу Мартыновичу Дудину принадлежит совершенно особое место в истории изучения прошлого Центральной Азии. Художник и тонкий, внимательный наблюдатель, этнограф и археолог, он отдался собиранию памятников материальной культуры Центральной Азии, и большие коллекции его сборов вошли в экспозицию соответствующих отделов музеев. Наряду с этим он создал пером, карандашом, кистью, фотографическим аппаратом ценнейшие и богатейшие собрания воспроизведений, необыкновенно точных, целой серии памятников археологических и этнографических. Не будет поэтому преувеличением сказать, что по многим областям и вопросам материальной культуры Центральной Азии без материалов С. М. нельзя сделать в настоящее время решающих исследований. Это относится в широкой мере и к орнаменту Средней Азии, первостепенным знатоком которого был С. М. Во всей этой работе С. М. необходимо отметить еще одну характерную особенность, пока еще редко встречающуюся у наших исследователей материальной культуры: С. М. был прекрасно знаком с техникой целого ряда производств, благодаря чему его исследование материалов отличалось необыкновенной многосторонностью и основательностью. <...>

Хочу остановиться еще на одной стороне работы С. М., которая вполне ясна сейчас, думаю, только тем,

кто непосредственно участвовал с ним в экспедициях или работал над этим экспедиционным материалом. Я имею в виду его работу как научного фотографа-археолога, которую непосредственно и длительно, почти в течение двух лет, день за днем, наблюдал в наших западно-китайских экспедициях 1909–1910 и 1914–1915 гг. Очень часто, даже и теперь, не учитывается в достаточной мере громадное значение, какое имеет фотография в экспедиционном деле, и еще меньше учитываются ее громадные трудности и те совершенно особенные свойства, какие должны быть у экспедиционного фотографа, который должен быть не только хорошим, самостоятельным техником, но и понимающим хорошо условия научной съемки специалистом. Отбор объектов снимания и выяснение наилучших условий съемки определенных предметов может лишь отчасти делаться руководителем экспедиции, специалистом, у которого свои, очень разнообразные, экспедиционные задачи; фотограф экспедиции зачастую не имеет возможности ни с кем посоветоваться, что именно надо выбрать для съемки и в каких условиях произвести съемку.

Как товарищ С. М. в двух длительных и сложных экспедициях я могу, будучи полевым работником, занимавшимся в экспедициях фотографией, удостоверить, что им проделана важнейшая и нужнейшая работа, притом зачастую в таких исключительно трудных для фотографа условиях, что с ней не справился бы менее опытный и вдумчивый, чем С. М., работник. С. М. всегда тщательно обдумывал план съемки, как только он получал достаточные предварительные данные для плана. Перед экспедицией он собирал все доступные ему сведения об условиях фотографирования в данной местности и знакомился со всем доступным фотографическим материалом, если только таковой имелся для данных памятников. Затем в беседах со специалистами он выяснял, на какие главным образом вопросы должны ответить фотографии и чего вообще можно достичь фотографией для выяснения исследуемого материала. На месте он прежде всего знакомился с условиями съемки, имея особенно в виду световые условия. Он хорошо сознавал то, как часто вследствие несоблюдения достаточного внимания к условиям света при съемке получается, при неблагоприятном расположении теней, недостаточно ясное и отчетливое изображение предмета, единственной памятью о котором может со временем оказаться только фотография. <...>

С. М. справедливо может быть назван фотографом-ученым, потому что очень часто его фотографии требо-

вали перед съемкой определенной исследовательской работы специалиста. Я убежден, что все, кому приходилось работать по фотографиям С. М., согласятся с этой высокой оценкой его труда, имеющего большое чисто научное, а не техническое только значение⁶.

Е. С. Соболева,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МАЭ РАН*

С МАЭ начал сотрудничать молодой художник и фотограф С. М. Дудин. Он получил богатый опыт работы в поле, выполнял самые разные виды съемки и другие задания. Он имел возможность непосредственно знакомиться с состоянием музейного дела за рубежом. С. М. Дудина приглашали для выполнения заказов и в других музеях ИАН. Закономерно он стал руководителем первой фотолаборатории МАЭ, поощрялся государственными наградами, а после 1917 г. много лет был секретарем Совета МАЭ. <...>

1.01.1914 С. М. Дудин был удостоен Высочайшего благоволения за труды, понесенные во время Турфанской экспедиции (в изъятие из правил), участие в Орхонской экспедиции 1891 г., сбор коллекции для Музея Александра III, участие в ряде ученых командировок от Музея Александра III, Академии наук, Российского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, в последнее время в Восточном Туркестане⁷. Годовой оклад ему был установлен в 1560 руб. ИАН ходатайствовал о назначении личной пенсии не имеющему чина фотографу МАЭ Самуилу Дудину, вероисповедания православного, за особо полезную деятельность. Он получил благодарность и медаль в память 300-летия царствования дома Романовых⁸. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 28.06.1914 №53 утвержден в чине коллежского секретаря по званию художника, со старшинством с 12.09.1912 г., выслужил установленные сроки на производство в следующие чины и был представлен к чину титулярного секретаря, со старшинством с 12.09.1915⁹. В «Правительственном Вестнике» 1.01.1917 г. за №1 сообщалось¹⁰, что министром народного просвещения приказом по Гражданскому ведомству от 1.01.1917 коллежский секретарь фотограф Музея антропологии и этнографии при Академии наук Самуил Дудин производится за отличие к ордену Св. Станислава III степени¹¹.

В. А. Прищепова,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МАЭ РАН*

С. М. Дудин стал одним из первых собирателей материалов по мусульманским народам России. Его коллекции вошли в состав научных фондов Эрмитажа, МАЭ, Российского этнографического музея (РЭМ), Научно-исследовательского музея Академии художеств, Музея истории Узбекистана и ряда историко-краеведческих музеев.

Жизнь и деятельность С. М. Дудина привлекали внимание многих исследователей, в том числе В. В. Бартольда¹². Ценный материал можно найти в капитальных работах Б. В. Лунина¹³. Один из номеров Сборника Музея антропологии и этнографии (МАЭ) был посвящен памяти С. М. Дудина¹⁴. В ряде трудов других исследователей (Д. К. Зеленин, Т. В. Станюкович, А. Аргынбаев и другие)¹⁵ также содержатся данные о жизненном и научном пути Самуила Мартыновича. Перу А. С. Морозовой, О. Апухтина, С. В. Дмитриева принадлежат специальные работы о творчестве С. М. Дудина¹⁶. <...>

«Закончено фотографирование ряда памятников: Аксарай, Рухабад, Намазга, Чупон-Ата, медресе Тилия-Кари, медресе Мирза-Улугбек, Шир-дор, — писал С. М. Дудин из Самарканда. — Исполнение последних снимков для Шир-дор и Мирза-Улугбек связано с уборкой лавок и лавочек, которыми застроен в настоящее время Регистон. После этого я тотчас же перевожу леса за город и приступаю к съемке загородных мечетей. Время, которое таким образом осталось у меня и моего товарища, время до конца сентября, будет употреблено на приготовление акварелей»¹⁷.

К сожалению, акварели С. М. Дудина этого периода не обнаружены. Но об одной его живописной работе тех лет осталось свидетельство корреспондента газеты «Русский Туркестан»: «Показывая нам свои этюды, С. М. Дудин обратил наше внимание на один из них, изображающий портрет Шах-Зинда, с его свежими, чудными, будто сейчас сделанными майоликами»¹⁸.

В качестве дипломной работы С. М. Дудин представил картину «В храме Таниты», состоявшую долгое время в коллекции музея Академии художеств. Среди описаний композиций картин, принадлежавших этому музею, содержатся и сведения о дипломной работе С. М. Дудина¹⁹. Полотно хранилось в отделе живописи, а затем было выдано без указания даты и места. Установить его дальнейшую судьбу не удалось.

В числе картин, находившихся в музее Академии художеств и переданных в другие музеи, была еще одна работа С. М. Дудина «Перед купанием». Согласно документам, сохранившимся в музее Академии художеств, она была передана в Елисаветградский художественный музей при Обществе распространения грамотности и ремесел в 1914 г. Дальнейшую ее судьбу возможно лишь предположить. В том случае, если картина уцелела во время Гражданской войны, она могла попасть в созданный позже Дворец науки и искусства, а после образования в 1929 г. Краеведческого музея с картинной галереей — в ее коллекцию. Но в период оккупации во время Великой Отечественной войны картинная галерея была полностью разграблена. Возможно, в это время была утрачена и картина С. М. Дудина «Перед купанием». <...>

Возможно, именно во время пребывания художника в Париже у него складывался замысел картины «Из жизни старого Востока», которая прежде хранилась в музее Академии художеств, а в 1918 г. ее передали в Нижегородский художественный музей. Этот музей был создан в 1896 г. и к 1909 г. состоял из трех отделов: исторического, в котором хранилось, главным образом, оружие; нумизматического и церковного, являвшегося главным. Центральными экспонатами этого отдела были картины на библейские темы. Можно предположить, что работа, мыслями о создании которой проникнуто письмо С. М. Дудина В. В. Радлову, «Из жизни старого Востока» была написана на библейский сюжет или близкий ему и потому тематически соответствовала требованиям Нижегородского музея. Из письма, полученного в ответ на наш запрос о судьбе этого полотна С. М. Дудина, следует, что в настоящее время картина «Из жизни старого Востока» в Нижегородском государственном художественном музее отсутствует.

Другие живописные работы С. М. Дудина существовали, например, в виде панно, которые оживляли экспозицию МАЭ в 1920-е гг., в том числе, например, была его картина «Перекочевка киргиз». К сожалению, эти работы С. М. Дудина также бесследно исчезли. <...>

В начале XX в. С. М. Дудин предложил музею Академии художеств купить у него альбом акварельных рисунков казахского орнамента, образцы которого он собирал многие годы в экспедициях по Семипалатинской, Сырдарьинской областям и Алайской долине. В марте 1906 г. на заседании Совета Академии художеств С. М. Дудин представил альбом орнамента из 57 таблиц для решения вопроса о его приобретении. Совет проголосовал за выдачу художнику аванса в размере 600 рублей для окончания работ по составлению альбома. В апреле 1907 г.

Советом было решено купить для библиотеки Академии художеств альбом из 60 таблиц и выдать С. М. Дудину 800 рублей.

Работу С. М. Дудина по составлению альбома казахского орнамента высоко оценили современники. Красочные рисунки, сделанные им, приобретают со временем все большую научную ценность, служат одним из главных документальных источников по изучению и сохранению прикладного искусства Казахстана. <...>

Все годы С. М. Дудин сохранял тесный контакт с Академией художеств и ее выпускниками. Его избирали в состав жюри Весенней выставки Академии, он являлся председателем²⁰.

Л. Ф. Попова,

кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея

Коллекции Самуила Мартыновича Дудина — художника, фотографа, музейного деятеля, — собранные им для Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ныне Российский этнографический музей), являются фундаментальным источником по этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Эти коллекции отличает исключительная тематическая широта, — пожалуй, ни одна сторона бытовой культуры народов региона не осталась без внимания выдающегося собирателя и с большой полнотой получила отражение в его сборах. География этих коллекций также весьма широка, хотя и ограничена маршрутами поездок 1900 и 1902 гг. Путь собирателя пролегал от аулов и кочевий туркмен в Ашхабадском и Мервском оазисах до Кашгара, охватив в промежутке Самаркандский, Бухарский, Ташкентский, Ферганский оазисы, районы Нагорной Бухары, долину р. Майдантал в Семиреченской области и Алайскую долину в Ферганской области. В итоге собиратель комплектовал 35 этнографических коллекций численностью около 4,5 тыс. экспонатов, характеризующих бытовую культуру оседлых узбеков-сартов, полукочевых узбеков, равнинных таджиков, горных таджиков, казахов, киргизов, туркмен, а также небольших групп переселенцев — афганцев и белуджей. Ценность этих сборов повышает хорошая сохранность экспонатов, высокие художественные достоинства большинства из них, а также фотографическое сопровождение, которое мастерски было исполнено самим собирателем²¹. <...>

Систематический комплексный подход к приобретению предметов позволил собирателю охарактеризовать многие стороны среднеазиатских культур с энциклопедической точностью и полнотой. Значительная часть приобретенных им экспонатов осталась в разряде редких и уникальных памятников не только для собрания РЭМ,

но и этнографических музеев мира. Потенциал этого историко-этнографического источника еще далеко не исчерпан и не вызывает сомнений, что, опираясь на него, исследователи в дальнейшем смогут значительно обогатить наши знания о традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана²².

Примечания

¹ Состоялась лишь небольшая фотовыставка. См.: Е. А. Резван. Самуил Дудин — фотограф, художник, этнограф (материалы экспедиции в Казахстан 1899 г. и 2010 г.). *Каталог фотовыставки «Диалог цивилизаций»* (Родос, Греция, 7–11 октября 2010 г.) (СПб., 2010).

² № И 125, 270, 296, 493, 1697, 757, 778, 779, 945, 1082, 1199, 1332, 1358, 1396, 1402, 1966, 1967, 1968, 2062, 2123, 2124, 2148, 2149, 2150, 2181, 2498, 2696, 2731, 2781, 2800, 2821, 2832, 2855, 2882, 2914, 3084, 3204, 3541, 5684.

³ Э. К. Пекарский. «С. М. Дудин». *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т. IX. Ред. Е. Ф. Карский (Л., 1930). С. 344–346.

⁴ В. В. Бартольд. «Воспоминания о С. М. Дудине». Там же. С. 349.

⁵ Е. Ф. Карский. «Памяти С. М. Дудина». Там же. С. 341–343. Доложено в заседании Президиума АН 13 мая 1930 г.

⁶ С. Ф. Ольденбург. «Памяти Самуила Маргеновича Дудина». *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т. IX. С. 353–357.

⁷ СПбФ РАН, ф. 4, оп. 2–1915, ед. хр. 62, л. 11.

⁸ Там же, ф. 4, оп. 2–1914, ед. хр. 74, л. 21–22, 32.

⁹ Там же, ф. 4, оп. 2–1915, ед. хр. 63, л. 38, 40.

¹⁰ Там же, ф. 4, оп. 2–1917, ед. хр. 41, л. 1.

¹¹ Е. С. Соболева. «Основные направления работы МАЭ с фотоматериалами в конце XIX – начале XX века». *Иллюстративные коллекции Кунсткамеры*. Отв. ред. В. А. Прищепова (СПб., 2014). С. 257–258, 270.

¹² В. В. Бартольд. *Сочинения*. Т. IV (М., 1966). С. 21–22.

¹³ Б. В. Лунин. *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917)* (Ташкент, 1958); он же. *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX в.* (Ташкент, 1962); он же. *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении* (Ташкент, 1965); М. А. Ахунова, Б. В. Лунин. *История исторической науки в Узбекистане: Краткий очерк* (Ташкент, 1970).

¹⁴ *Сборник Музея антропологии и этнографии*.

¹⁵ Д. К. Зеленин. «С. М. Дудин (1863–1929). К годовщине смерти». *Советская Азия*. V–VI (М., 1930). Т. В. Станюкович. *Этнографическая наука и музеи* (Л. 1978); Х. Аргынбаев. «Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX в. (По материалам Восточного Казахстана)». *Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Этнография* (Алма-Ата, 1959). Т. VI и др.

¹⁶ А. С. Морозова. «Туркмения в фотоколлекциях С. М. Дудина». *Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен* (Ашхабад, 1973); О. Апухтин. «Влюбленный в Туркестан». *Звезда Востока*. I (1974); он же. «Фотографы-путешественники». *Вечерний Ташкент*. 23 сентября 1977 г.; С. В. Дмитриев. «Штрихи к собирательской деятельности С. М. Дудина». «Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа». *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т. LII (СПб., 2006).

¹⁷ А РАН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. 51. л. 101.

¹⁸ *Русский Туркестан*. 1900, 11 сентября.

¹⁹ *Императорская Академия Художеств. Музей. Русская живопись* (Петроград, 1915). С. 79.

²⁰ В. А. Прищепова. «Коллекции С. М. Дудина по народам Средней Азии и Казахстана в собраниях Кунсткамеры (МАЭ, Петербург)» (в печати).

²¹ Это коллекции РЭМ № 12–16, 18–22, 24–26, 31–39, 58–61, 238–245, 362. Подробнее см.: С. М. Дудин. «Отчет о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 годах». *Архив РЭМ*, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 247. См. также: С. В. Дмитриев, Л. Ф. Попова. «Кашгарская коллекция С. М. Дудина в Российском этнографическом музее». *Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века*. Под ред. И. Ф. Поповой (СПб., 2008). С. 88–111.

²² Л. Ф. Попова. «Коллекции С. М. Дудина в Российском этнографическом музее» (в печати).